

Г.Э. Аббасова

*ведущий методист Отдела экскурсионной и лекционной работы
Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
abbasova_galina@mail.ru*

«ИСКУССТВО СОВЕТСКОЙ ТУРКМЕНИИ» В МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ В МОСКВЕ. 1935 ГОД. ЗАБЫТАЯ ВЫСТАВКА

В статье впервые предпринята попытка реконструкции выставки «Искусство советской Туркмении», открытой в Государственном музее изобразительных искусств в Москве в 1935 году. Автор статьи восстанавливает предысторию, связанную с организацией выставки, характеризует основные экспонируемые на ней произведения, освещает реакцию советской публики и критики на представленные картины, вписывает «Искусство советской Туркмении» в череду выставочных проектов Москвы 1930-х годов, посвященных современному искусству восточных республик СССР. Основным источником для реконструкции туркменской выставки 1935 года послужила советская периодическая печать и архивные документы.

Ключевые слова: государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, выставки советского искусства, изобразительное искусство Средней Азии, Советская Туркмения, творческие командировки, конный пробег Ашхабад-Москва, МОССХ, Рувим Мазель, Бяшим Нурали, Павел Соколов-Скаля, Ольга Яновская

In the article the author attempts to reconstruct the exhibition “Soviet Turkmenistan”, which was organized at The Museum of Fine Arts in Moscow in 1935. According to periodical press and archival documents, the author retrace the exhibition’s history, describes the main exhibited paintings, illuminates the reaction of the Soviet public and critics to the presented paintings, enter “Soviet Turkmenistan” in the context of Central Asian exhibition of the 1930s.

Keywords: The Pushkin State Museum of Fine Arts, exhibitions of Soviet art, Central Asian’s art, Soviet Turkmenistan, artist’s retreat, the horse run Ashgabat-Moscow, MOSSH, Ruvim Mazel, Byashim Nurali, Pavel Sokolov-Skalya, Olga Yanovskaya

Появление после Октябрьской революции новых художественных школ, училищ и институтов, творческих объединений и организаций, распространение целевых командировок и массовое привлечение самостоятельных художников дало широкий простор для организации в Советском Союзе бесчисленных и зачастую качественно неравноценных выставок. В этом внушительном визуальном и информационном потоке на задний план для потенциальных исследователей неизбежно отходят «негромкие» второстепенные выставочные проекты. Однако многие из них не лишены глубины и демонстрируют высокий уровень и разнообразие экспонируемых произведений.

К их числу относится выставка «Советская Туркмения», приуроченная к завершению 84-дневного конного пробега по маршруту Ашхабад-Москва. Выставка была открыта с 21 августа по 5 сентября 1935 года в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Ее организаторами выступили Постоянное представительство Туркменской советской социалистической республики при ЦИК СССР и Московский областной союз советских художников (МОССХ), в 1934 году направивший в Туркмению две бригады живописцев, произведения которых составили ядро экспозиции¹.

© Аббасова Г.Э., 2019

¹ В первую бригаду входили Павел Соколов-Скаля, Леонид Веселовский и Михаил Соловьев, во вторую – Давид Штеренберг, Иван Ивановский, Константин Вялов, Павел Радимов, Дмитрий Топорков, Ольга Яновская, Николай Ражин, Виктор Садков, Дмитрий Якунин, Николай Котов, Василий Пшеничников, Валерий Каптерев и др.

«Искусство советской Туркмении» вписывается в череду организованных в Москве среднеазиатских выставок, интерес к которым пробуждается еще в 1920-е годы и, спустя десятилетие, достигает своего апогея. К наиболее масштабным проектам этого времени относятся декады национального искусства Казахстана (1936), Узбекистана (1937), Киргизии (1939) и выставки национальных школ станковой живописи, самой значительной из которых стала выставка узбекского искусства 1934 года.

Наряду с ними проводились отчетные выставки по итогам творческих командировок художников в Среднюю Азию и Казахстан. На этом фоне выставочные проекты, реализованные в Москве в 1920 – 1930-е годы и всецело посвященные станковой живописи Туркмении, являлись редкостью². Именно поэтому целесообразным представляется краткий экскурс в историю двух московских выставок современного туркменского искусства, проведенных в 1923 году. Сохранившаяся информация о них скудна, но необходима для более полного понимания специфики становления художественной школы советской Туркмении и ее репрезентации во вне, а также для характеристики выставки 1935 года.

После победы Революции в Туркмении, местное изобразительное искусство получило сильнейший стимул для развития. Как и в других советских республиках, в Туркмении оказалось множество приезжих мастеров, заложивших основы национальной школы станковой живописи. Художники работали в театре, сотрудничали с газетами, создавали плакаты и книжные иллюстрации. В 1920 году Рувим Мазель, Александр Владычук и Михаил Либак организовали первую в Туркмении художественную студию в Ашхабаде. В 1922 году она была переименована в Ударную школу искусств Востока (УШИВ), просуществовавшую до 1925 года и закрытую по политическому доносу. Основу программы обучения УШИВ составляло изучение и переосмысление традиционного туркменского искусства. Спустя несколько лет после закрытия Школы, в 1929 году, Сергей Бегляров, ученик Мазеля, создал Общество художников Туркмении (ОХТ). Предполагалось, что ОХТ станет филиалом Ассоциации художников революции (до 1928 года – Ассоциация художников революционной России), но, в итоге, общество сохранило самостоятельность. В ОХТ входили художники, придерживающиеся различных творческих методов, что нашло отражение в несколько противоречивой декларации. Картины, представленные на выставке ОХТ 1929 года, показали, что влияние Ударной школы искусств Востока продолжало сказываться в течение долгого времени после ее закрытия.

Первая выставка УШИВ за пределами Туркмении была открыта в Москве 22 мая 1923 года в помещении Всероссийской научной ассоциации востоковедения при Народном комиссариате национальностей (Трубниковский, 19) и продлилась две недели [Туркменская школа искусств, 1923]. Вернисаж посетили представители автономных республик и областей, сотрудники отдела Востока наркомата иностранных дел, научных и художественных учреждений – выставка вызвала живой интерес среди востоковедов, историков искусства и рядовых зрителей. Председатель Всероссийской научной ассоциации востоковедения Михаил Павлович в своем выступлении призвал к изучению современной культуры народов Востока, а представители Ассоциации востоковедения предложили устроить ряд выставок, посвященных искусству восточных республик СССР. Эти предложения были реализованы в полной мере уже в 1930-е годы.

На выставке УШИВ экспонировалось свыше 300 произведений: работы учеников и руководителей Школы – туркмен, узбеков, русских и представителей других национальностей. Как правило, это были дети рабочих местных депо и подростки-туземцы, зачастую приезжавшие издалека на верблюдах. Их картины, рисунки, эскизы и наброски были «собраны наспех» в связи с отъездом Рувима Мазеля из Ашхабада в Москву. Вынужденным отъездом художника, обусловленным проблемами со здоровьем, воспользовались как поводом для организации туркменской выставки в столице.

² Изобразительное искусство Туркмении было представлено на выставках «Искусство народов СССР» (1927) и «Жизнь и быт народов СССР» (1928) наряду с другими республиками.

Г.Э. Аббасова *«Искусство советской Туркмении»*
в Музее изобразительных искусств в Москве. 1935 год. Забытая выставка

Именно рисунки Рувима Мазеля заняли центральное место в экспозиции. Яков Тугендхольд в своей заметке о выставке выделял работы художника, сделанные под влиянием Врубеля, а также туркменские типы Лапина, принятого в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС), и «полудетские» работы Усманджав-Хандамова. За скобками его рецензии остались картины Нурали, Беглярова, Скоблиной, Кулиева и других не менее талантливых художников. Реакцию Тугендхольда современники оценивали, в целом, как сдержанную. Он отмечал декоративный характер экспонируемых работ, их связь с национальным искусством, на его взгляд, временами чрезмерную: декоративность была присуща произведениям учеников УШИВ даже в работе с натуры, так как в основу обучения было положено изучение коврового орнамента [Тугендхольд, Выставка туркменского искусства, 1923].

Вторая выставка работ Ударной школы искусств открылась 20 сентября 1923 года в помещении ВХУТЕМАСа (Рождественка, 11). Она была приурочена к трехлетию со дня основания Школы, в которой на тот момент обучалось около ста человек [Заметка о выставке Ударной школы искусств Востока, 1923]. На выставке были представлены «целые кипы» рисунков, акварелей и графики, сделанных часто на клочках бумаги, так как «на масляные краски, на дорогие «фактурные» искания, которыми избалована столица, окраина денег не имеет» [Тугендхольд, Выставка туркменской художественной школы, 1923]. Представленные произведения были разделены на несколько основных групп: станковая живопись, графика, эскизы посуды, скульптура и т.д. Экспонировались не столько классные работы с натуры, сколько свободные композиции и внешкольные упражнения. Некоторые художники, как Нурали, были заявлены теми же работами, что и на первой выставке.

Яков Тугендхольд, писавший и о второй выставке УШИВ на страницах «Известий», принял ее более благосклонно. Он отмечал, что, несмотря на печальное положение художественного образования на местах, УШИВ удалось добиться существенных успехов: организаторы школы создали «оазис художественного просвещения» в Закаспийской области, среди Туркменской пустыни, у самой персидской границы. Он окрестил русских художников, работавших в Туркестане, «отечественными Гогенами», которые стремятся возродить национальное искусство, а не навязывать ему «столичные вкусы». Выделяя сильный колорит, чувство ритма, богатство фантазии и свежесть восприятия туркменских художников, Тугендхольд, тем не менее, был уверен, что руководство школы «перегибает палку в сторону фольклора», отображая туркменскую природу только сквозь призму ковра, ибо «ковер есть ковер, а живопись есть живопись», и призывал к свободному наблюдению и изучению действительности.

Большинство участников выставки впоследствии поступили на рабфак ВХУТЕМАСа, другие – в Ленинградскую академию художеств. Многие из них, переехав в Москву и Ленинград, теряли связь с Туркменией, а зачастую и самобытную манеру письма. Однако характерные художественные приемы и специфика работ учеников и учителей УШИВ, так четко выявленные Тугендхольдом, были, в целом, присущи туркменской школе станковой живописи, продолжившей становление и развитие в 1930-е годы, но не получили столь яркого выражения как в период существования Ударной школы искусств Востока, впоследствии преобразованной в туркменское художественное училище. Несмотря на борьбу с «формализмом», туркменским художникам все же удалось сохранить связь живописи с традиционным декоративно-прикладным искусством и в последующие годы.

Отметим, что в Музее изобразительных искусств, в отличие от выставок 1923 года, выставлялись работы московских художников, командированных в Среднюю Азию, а не учеников и учителей УШИВ. Таким образом, московские зрители имели возможность сравнить произведения туркменских мастеров, воспитанных, преимущественно, в русле национальной традиции, и приезжих, принадлежавших европейской художественной школе. Очевидно, что ни один из представленных на выставке 1935 года московских художников не сумел, сплавив «восточную» и «западную» линии, создать произведение, которое могло бы стать частью туркменской культуры.

Собственно, контраст между работами т.н. «художников-националов» и художников, отправленных в целевые командировки, стал отправной точкой для начала дискуссии, развернувшейся на страницах журналов и газет.

Как и в случае с выставками УШИВ, наибольшая сложность при изучении выставки туркменского искусства 1935 года заключается в недостаточности фактического материала. Это связано, в первую очередь, с тем, что выставка не значилась в плане Государственного музея изобразительных искусств, а была внезапно «спущена сверху». В подавляющем большинстве газетных статей за 1935 год с пометкой «Советская Туркмения» обсуждался конный пробег Ашхабад-Москва – событие, по тем временам, беспрецедентное и резонансное³. Непосредственно о выставке в газетах писали крайне мало и скупо⁴.

Изданный к выставке каталог содержал скупой перечень имен и произведений без датировки и сопроводительной информации. Лишь по счастливому стечению обстоятельств в Отделе рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина удалось обнаружить книгу отзывов – тонкую тетрадь, в которой посетители Музея оставляли свои впечатления и замечания о выставке – не зафиксированную в научно-вспомогательном каталоге. Но и собранного материала оказалось достаточно для того, чтобы в первом приближении представить процесс ее подготовки и проведения⁵.

Большая часть представленных в Москве картин, рисунков и эскизов была создана в Туркмении для юбилейной выставки в Ашхабаде в честь десятилетия республики⁶. Впоследствии некоторые из этих работ приобрел МОССХ, в частности, произведения Веселовского («Таджикистан») и Ивановского («Окрестности Ашхабада»). На заседании художественного совета отмечалось, что написанные в командировке картины производят впечатление большого этюда, отличаются декоративностью и «уклоном от реализма», что представляется справедливым не только для упомянутых художников, но и большинства участников выставки [Стенограмма заседаний художественного совета, 1935].

«Искусство советской Туркмении» и две выставки УШИВ 1923 года сближает скорость отбора произведений и создания экспозиции – все три выставки были открыты практически без предварительной подготовки. На каждой из них экспонировалась, преимущественно, графика, что не удивительно, так как в первых случаях речь идет о работах учеников художественной школы, а в последнем – о результате творческих командировок с учетом того, что привезенные из них наиболее эффектные произведения уже отправили на выставку в Ашхабад.

Поскольку московская выставка собиралась буквально за считанные месяцы, то часть произведений, не задействованных в Ашхабаде, оказалась в Москве. Экспонируемые работы принадлежали, преимущественно, московским художникам, направленным в творческие командировки в Туркмению в 1934-1935 годах, за исключением Рувима Мазеля и Бяшима Нурали. Безусловно, это одно из решающих отличий от выставок УШИВ, на которых экспонировались и национальные художники, и приезжие мастера, годами работавшие в Туркмении. С другой стороны, взгляд на Туркмению извне сближает выставку 1935 года с более ранними выставками Ассоциации

³ Конники преодолели более 4 тысяч километров. Их путь пролегал, в том числе через пустыню Каракумы и Усть-Уртскую возвышенность. Колхозникам, выделившим своих коней для перехода, было обещано по автомашине. Конников встречали пролетарии Москвы, рабочие «Шарикоподшипника», завода «Серп и молот», физкультурники, эскадроны Красной армии, конники Осавиахима, летчики, планеристы. В первый день участники пробега возложили цветы к мавзолею Ленина. В ЦПКиО им. Горького в Зеленом театре состоялась встреча с пролетариями Москвы. Каждый участник был премирован «лучшей тульской двустволкой». 25 августа участники пробега были приняты в Кремле Калининым и Молотовым.

⁴ Выражаю благодарность Аде Михайловне Беляевой, любезно поделившейся списком статей, посвященных выставке, который, впоследствии, удалось существенно дополнить и расширить.

⁵ Благодарю к.и. Александру Петровну Салиенко, обнаружившую в процессе работы в Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина книгу отзывов на выставку «Советская Туркмения», не зафиксированную в научно-вспомогательном каталоге (ГМИИ им. А.С. Пушкина. Оп. № III. Ед. хр. № 113).

⁶ Ей предшествовала еще одна выставка в Ашхабаде, ставшая подготовительной к выставке, посвященной 10-летию Туркменской ССР. (Выставка работ художников Туркменистана // Правда Востока, 1934, № 144 (3503). С. 1)

Г.Э. Аббасова «Искусство советской Туркмении»

в Музее изобразительных искусств в Москве. 1935 год. Забытая выставка

художников революционной России, на которых фигурировал раздел изобразительного искусства советской Туркмении – «Жизнь и быт народов СССР» (1926) и «Искусство народов СССР» (1927).

Целевые командировки в 1930-е годы стали обязательным этапом при подготовке крупных выставочных проектов. Так к туркменской выставке были организованы сразу несколько командировок художников в Среднюю Азию. В 1934 году Павел Соколов-Скаля отправился в командировку по маршруту Баку-Красноводек-Гассанкум-Ашхабад и провел в районе пустынь Кара-Кумы и юго-западной Туркмении два месяца. Он должен был изучить историю борьбы с басмачеством и сопротивления среднеазиатских партизан с английскими интервентами. Сам художник так описывает свой опыт: «Работа в пустыне мне дала очень много. Суровая скупая природа настраивает глаз на точное наблюдение, заставляет лаконичней и четче выражать видимое. Характеры людей в этих местах очерчены резче – внешность ярче и монументальней» [Соколов-Скаля, 1934].

В ноябре 1934 года в Средней Азии впервые оказалась Ольга Яновская. Для нее наиболее запоминающимися стали колористические впечатления: «живые фигуры как бы сошедшие с византийской фрески», «бирюзовые и розовые одежды хлопководов загорались как драгоценная эмаль на общем сдержанном серебристо-пепельном фоне» [Яновская, 1935]. Уже одно только туркменское солнце обогащало живописную палитру новыми красками – чистыми, насыщенными, ярко звучащими.

Осенью 1934 года Центральное бюро «Всекохудожника» предложило Павлу Радимову выехать в Среднюю Азию в составе бригады художников, в которую входили Мартирос Сарьян и Константин Вялов [Глинкин, 1960]. Результатом этой поездки были 66 этюдов и картина «Школа Туркмении», выполненная художником по заказу Правительства Туркменской ССР. Большинство работ Павла Радимова весной 1935 года экспонировались в Ашхабаде на выставке, посвященной 10-летию Республики, некоторые из них – на выставке в Музее изобразительных искусств. Художник был настолько вдохновлен поездкой, что практически сразу отправился в повторную командировку в Среднюю Азию. В общей сложности, он пробыл там семь месяцев.

Творческие командировки были не просто обязанностью, но являлись и своего рода привилегией, дававшей художнику возможность выйти за рамки обыденного восприятия, получить новые яркие впечатления и совершенствовать мастерство⁷. На этой почве нередко возникали разногласия. Так, между одной из бригад художников и администрацией при подготовке выставки к юбилею Туркменской ССР разгорелся конфликт. Художники Александр Щипицын, Николай Максимов и Анатолий Шахов, приглашенные Виктором Садковым в Ашхабад, столкнулись с сопротивлением администратора Скрыгина, не одобрявшего состав бригады. Накал страстей дошел до взаимных угроз, потребовалось вмешательство милиции⁸.

Выставку в московском Музее изобразительных искусств подобные волнения миновали – она комплектовалась на основе произведений, созданных московскими бригадами в Туркмении, но уже по остаточному принципу из тех картин и рисунков, которые не были отданы в Ашхабад. В каком из залов Музея были размещены 120 картин, этюдов и набросков – остается загадкой.

⁷ Однако известны и случаи пренебрежения возможностями, которые открывала творческая командировка: Г. Брылов. К ответу халтурщиков! // «За пролетарское искусство», № 5, 1932, стр. 11.

⁸ МОССХ. Протокол № 21. Параграф 2. Инцидент между ЦБ и группой художников// РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1.Ед хр. 27.С. 51-52:

Т. Ивановский – группа художников т.т. Щипицын, Максимов, Шахов и я в течение месяца ждали вызова в Ашхабад на работу по юбилейной выставке. И вот теперь, когда получена телеграмма с вызовом от т. Садкова, работающего по проектировке выставке, т. Скрыгин возражает против состава бригады.

Т. Скрыгин – Садков не был уполномочен ЦБ на подписание договора на сопроектировку. Т. Скрыгин не считает целесообразным посылать бригаду в таком составе, что им и было сказано в Туркменском Представительстве, куда он был вызван. Т. Щипицын в разговоре с т. Скрыгиным в помещении ЦБ назвал его жуликом и вообще вел себя настолько непозволительно, что был вызван милиционер. Т.т. Щипицын и Ражин дают объяснения.

Командировать в Ашхабад т.т. Точилкина и Скрыгина для выяснения на месте всех возникших вокруг организации выставки недоразумений. Поскольку бригада была введена в заблуждение, считать, что она должна быть послана на работу в Ашхабад.

Единственный документ, позволяющий сделать некоторое уточнение – служебная записка, хранящаяся в Отделе рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина, в которой сообщается, что для срочной организации туркменской выставки Музеем пришлось выделить зал, где по плану должна была проходить выставка детского рисунка⁹. Кроме того, в «Комсомольской правде» упоминается, что выставка располагалась в двух залах [З.Т., 1935].

На выставке экспонировалось более 120 картин. В основном, это были рисунки, эскизы и наброски. Именно незаконченность, эскизность представленных полотен отмечали и посетители. Вот наиболее характерные отзывы: «большинство картин не есть картины, а только первый шаг к картинам. Дана только наброска в красках... иначе говоря, есть только наброски»; «многие вещи <...> оставляют впечатление недоконченности»; «выставка хороша – но лишь как собрание эскизов» [Книга отзывов, 1935].

Ориентируясь на рецензии в периодике, логично предположить, что центральное место в экспозиции занимали картины Соколова-Скаля – не самого одаренного из представленных на выставке художников. За «развязную и маложивописную кисть» критиковали его картину «Пробег Ашхабад-Москва», а Константин Юон писал, что «поспешность заставляет его впасть в живописную фельетонность» [Юон, 1935]. Но несмотря на постоянную и порой нелицеприятную критику Соколова-Скаля со стороны искусствоведов и коллег по цеху, советский зритель неизменно отдавал свои симпатии работам мастера. Ключ к пониманию и принятию работ Соколова-Скаля простым зрителем лежит в нарочитой повествовательности его произведений. Вот как описывалась одна из его картин, представленных на выставке: «В картине Соколова-Скаля «Смерть героя», оставляющей сильное впечатление, показана стычка погранотряда с нарушителями границы. Раненый в бою командир, как бы на берегу остановленный пулей врага, умирает на руках у товарища-бойца. И тщетно пытается друг обмотать бинтом кровь, стекающую на петлицы» [З.Т., 1935]. Безусловно, произведения Соколова-Скаля привлекали внимание сюжетной канвой, идеологической однозначностью и простотой интерпретации. Именно его картина «Конный пробег Ашхабад-Москва» вызвала живейший интерес у конников, участников пробега, для которых 31 августа в Музее изобразительных искусств была организована встреча с художниками и «представителями общественности» [В.Д., 1935; В гостях у мастеров, 1935].

Из-за недостатка времени на подготовку выставки в экспозиции практически отсутствовали произведения собственно национальных туркменских художников. Национальный раздел был представлен одной работой Бяшима Нурали и картинами Рувима Мазеля, которого критики выделяли за использование «старинного мастерства персидских миниатюр в выработке собственного своеобразного стиля для изображения современной жизни» [Морозов, 1935]. Для художника туркменские пейзажи превратились в ветхозаветные, на фоне которых он повествовал о вневременных библейских событиях. Созданное им сакральное пространство включает в себя предметы традиционного туркменского быта. Мастер наполняет их символическими смыслами, выводя зрителя через повседневность к понятиям более глубокого мировоззренческого порядка.

Декоративность, свойственная работам Рувима Мазеля, присуща и картинам его ученика – Бяшима Нурали. В своих произведениях он обращается к туркменскому декоративно-прикладному искусству, в первую очередь – к искусству ковра. Часто художник заключает холст в своеобразную раму, воспроизводящую ковровый узор, «мотивы ковра входят существенным элементом в самую композицию его вещей» [Искусство советской Туркмении, 1934]. Однако представленная на выставке картина «Мечты об учебе» знаменует усиление в творчестве Нурали «реалистических» тенденций.

Сравним близкие по композиции графические листы Рувима Мазеля и Давида Штеренберга с изображением туркменских ковровиц, находящиеся в настоящее время в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Произведения объединены подчеркнутой ритмичностью изображения,

⁹ Выставка детского изобразительного искусства районов Московской области все же состоялась, но позже – в сентябре, возможно, в тех залах, где проходила «Советская Туркмения» (Выставка детского рисунка // Литературная газета, 1935, № 054 (545). С.5)

Г.Э. Аббасова «Искусство советской Туркмении»

в Музее изобразительных искусств в Москве. 1935 год. Забытая выставка

усиленной благодаря его монохромности. Легкая уверенная линия Мазеля, чередование темных и светлых плоскостей в его работе призваны усилить этот ритм. Напротив, рваный ритм мелкой штриховки у Штеренберга, скорее, разрушает заданную ритмичность, а заодно придает «наивный» облик всему рисунку. Эта «наивность» подчеркнута фронтальной постановкой трех женских фигур, в то время как Мазель дает трехчетвертной разворот, придающий композиции больше динамики. Сопоставляя листы двух художников, приходится признать, что «Ковровщицы» Штеренберга уступают по художественной выразительности «Рождению ковра» Мазеля. Собственно, с художественной точки зрения, выставка держалась именно на произведениях Мазеля. Работы других художников или не могли конкурировать с его картинами вовсе, или были представлены в незначительном количестве, так как наиболее значимые произведения в это время находились в Ашхабаде.

Некоторые художники, принимавшие участие в московской выставке, уже бывали в Средней Азии при подготовке выставки «Жизнь и быт народов СССР» в 1926 году. В их числе – Павел Радимов и Николай Котов. Скользя по поверхности, улавливая, в основном, экзотические, непривычные глазу детали, они не стремились проникнуть глубже, в суть туркменской культуры, ее национальной специфики. Писать рязанские пейзажи или окрестности Ашхабада для них было абсолютно равноценно. Критика этнографического подхода касалась, прежде всего, их. В некоторых статьях отмечалось преобладание на выставке этнографического подхода в ущерб живому сюжету: «страна ковров и хлопка, страна лазурного неба и желтого, раскаленного песка, страна чистокровных скакунов пленила художников прежде всего своей внешней необычной живописностью» [Бам, 1935].

Председатель Осоавиахима Роберт Эйдемман полагал, что поспешность в организации выставки сказалась на ее качестве: «по большинству картин, нельзя судить о новой советской Туркмении. Художники увлеклись этнографическими мотивами, костюмом, восточным колоритом, пейзажем, в лучшем случае эпизодами борьбы с остатками басмачества» [Советская Туркмения, 1935]. Михаил Морозов на страницах «Обзора искусств» отмечал: «наши художники центра поддались обаянию солнечной радости края и его ярким краскам, тающим в ослепительном блеске дня» [Морозов, 1935]. Ему вторили «Литературная газета» и «Вечерняя Москва»: «Декоративность, а не реалистическое изображение – вот основной метод показа советской Туркмении» [Туркмения в живописи, 1935], «на выставке преобладают краски над живым сюжетом» [З.Т., 1935], «новые темы и новые яркие краски цветут на палитрах ее художников – вот впечатление от этой выставки» [Кальм, 1935]. С этими высказываниями оказались солидарны и рядовые посетители выставки: «мало изображается быт Туркмении и ее герои (за исключением Скаля). Слабое знакомство художников с видами Туркмении»; «из культурной и бытовой жизни ничего не показано. Надо было показать работу в колхозе и новые достижения Туркменской ССР» [Книга отзывов, 1935].

Как видно из приведенных выше цитат, выставка «Искусство советской Туркмении» породила череду дискуссий о проблеме этнографического взгляда на советский Восток. Вероятно, что для художников Туркменской ССР эта дискуссия могла иметь и негативные последствия в виде ужесточения политики, направленной на насаждение «реалистического» искусства, которое, к глубокому сожалению, представлялось как единственная альтернатива этнографическому подходу. В то же время, далекий от принципов социалистического реализма Рувим Мазель воспринимался критикой совершенно иначе. На выставке «Искусство советской Туркмении» и двух выставках УШИВ 1923 года важнейшую роль в репрезентации туркменской культуры играли именно произведения Мазеля – европейского художника, взявшего за основу своей живописи орнаментальные принципы туркменского ковра. В рассуждениях о национальном искусстве Туркменской ССР его неизменно представляли, как выдающегося деятеля туркменской школы станковой живописи.

Подобный дуализм, как и поднятые в периодической печати проблемы ориентализма и этнографического подхода в советском изобразительном искусстве, соотношения национальной

G.E. Abbasova “*The Art of Soviet Turkmenia*”
at the Museum of Fine Arts in Moscow. 1935. The lost exhibition

и европейской художественной традиций, заслуживает дальнейшего углубленного исследования, которое будет опираться как на изобразительный ряд, так и на аутентичные материалы периодической печати и архивные документы.

ИСТОЧНИКИ

1. Б. Нурали, С.А. Бегляров. Краткий очерк // Творчество, 1935, № 11. С. 22.
2. Бам Н. В честь конников. Художественная выставка «Туркмения в искусстве» // Обзор искусств, 1935, № 10. С. 30-31
3. Бубнова О. Художники о Туркмении // Советское искусство, 1935, № 40 (266). С. 1.
4. В гостях у мастеров // Советское искусство, 1935, № 41 (267). С. 2.
5. В гостях у художников // Известия ЦИК, 1935, № 204 (5757). С. 4.
6. В помещении Государственного музея изобразительных искусств... // Правда, 1935, № 231 (6477). С. 6.
7. В.Д. Выставка картин, посвященных советской Туркмении // Социалистическое земледелие, 1935, № 170 (1979). С. 1.
8. В.Ч. Искусство республик Средней Азии // Искусство, 1935, № 3. С. 168-176.
9. Вчера в помещении Музея изобразительных искусств... // Известия ЦИК, 1935, № 196 (5749). С. 1.
10. Выставка работ художников Туркменистана // Правда Востока, 1934, № 144 (3503). С. 1.
11. Выставка туркменской школы искусств. Каталог выставки. – Москва, 1923.
12. Глинкин М.Д. П.А. Радимов. Неопубликованная монография. 1960 // РГАЛИ. Ф. № 2486. Оп. № 1. Ед. хр. № 208 – 96 л.
13. Журавлева Е.В., Чепелев В.Н. Искусство советской Туркмении. – Москва: ОГИЗ. ИЗОГИЗ. 1934.
14. З.Т. Страна солнца. На выставке картин, посвященной Туркмении // Комсомольская правда, 1935, № 193 (3188). С. 4.
15. Заметка о выставке Ударной школы искусств Востока // Известия ЦИК, 1923, № 211 (1948). С. 5.
16. Заметка об открытии выставки Ударной школы искусств Востока // Известия ЦИК, 1923, № 105 (1842). С. 7.
17. Ирась И. Картины о Туркмении // Литературная газета, 1935, № 144 (460).
18. Искусство советской Туркмении // Литературная газета 1934, № 130 (446). С. 3.
19. Кальм Д. Краски Туркмении // Вечерняя Москва, 1935, № 192 (3521). С. 3.
20. Книга отзывов на выставку «Советская Туркмения». 1935 г. // ГМИИ им. А.С. Пушкина. Оп. № III. Ед. хр. № 113.
21. Морозов М. Выставка «Советская Туркмения» // Обзор искусств, 1935, № 10. С. 9-10.
22. Протоколы №№1-27 заседаний президиума правления МОССХ. Протокол № 21. Параграф 2. Инцидент между ЦБ и группой художников // РГАЛИ. Ф. № 2943. Оп. № 1. Ед. хр. № 27. С. 51-52.
23. Советская Туркмения // Известия ЦИК, 1935, № 194 (5747). С. 4.
24. Советская Туркмения // Советское искусство, 1935, № 39 (265). С. 3.
25. Соколов-Скаля П. С палитрой по пустыне // Творчество, 1934, № 12. С. 8.
26. Стенограмма заседаний художественного совета «Всекохудожника» по обсуждению работ художников, 1935 // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Ед.хр. 58. С. 3; 34.
27. Тугендхольд Я. Выставка туркменского искусства // Известия ЦИК, 1923, № 117 (1854). С. 6.
28. Тугендхольд Я. Выставка туркменской художественной школы // Известия ЦИК, 1923, № 225 (1962). С. 5.
29. Туркмения в живописи // Литературная газета, 1935, № 48 (539). С. 6.
30. Туркменская школа искусств // Известия ЦИК, 1923, № 112 (1849). С. 5.
31. Яновская О.Д. Путешествие на Восток // Советское искусство, 1935, № 20 (246). С. 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апчинская Н. и др. Ковровая сказка. Творчество Рувима Мазеля и традиционное ковровое искусство туркмен. Каталог выставки. – Москва, 1995.
2. Апчинская Н. и др. Рувим Мазель // Средняя Азия-Москва-Иерусалим в творчестве еврейских художников. – Москва, 2008.
3. Апчинская Н. Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. – Москва, 2004

SOURCES

1. B. Nurali, S.A. Beglyarov. *Kratkij ocherk* [The brief sketch]. In: *Tvorchestvo* [The Creativity], 1935, № 11. S. 22.

Г.Э. Аббасова «Искусство советской Туркмении»
в Музее изобразительных искусств в Москве. 1935 год. Забытая выставка

2. Bam N. V chest' konnikov. *Hudozhestvennaya vystavka «Turkmeniya v iskusstve»* [In honor of the horsemen. Art Exhibition "Turkmenistan in Art"]. In: *Obzor iskusstv* [The Review of Arts], 1935, № 10. S. 30-31.
3. Bubnova O. *Hudozhniki o Turkmenii* [Artists about Turkmenistan]. In: *Sovetskoe iskusstvo* [The Soviet art], 1935, № 40 (266). S. 1.
4. Glinkin M.D. P.A. Radimov. *Neopublikovannaya monografiya*. 1960 [P.A. Radimov. Unpublished monograph. 1960]. In: *RGALI*. F. № 2486. Op. № 1. Ed. hr. № 208 – 96 l.
5. Iras' I. *Kartiny o Turkmenii* [Pictures of Turkmenistan]. In: *Literaturnaya gazeta* [The Literary newspaper], 1935, № 144 (460).
6. *Iskusstvo sovetskoj Turkmenii* [The Art of Soviet Turkmenistan]. In: *Literaturnaya gazeta* [The Literary newspaper], 1934, № 130 (446). S. 3.
7. Kal'm D. *Kraski Turkmenii* [Colours of Turkmenistan]. In: *Vechernyaya Moskva* [The Evening Moscow], 1935, № 192 (3521). S. 3.
8. *Kniga otzyvov na vystavku «Sovetskaya Turkmeniya». 1935* [Book reviews of the exhibition "Soviet Turkmenistan". 1935]. In: *GMII im. A.S. Pushkina*. Op. № III. Ed. hr. № 113.
9. Morozov M. *Vystavka «Sovetskaya Turkmeniya»* [Soviet Turkmenistan]. In: *Obzor iskusstv* [The Review of Arts], 1935, № 10. S. 9-10.
10. *Protokoly №№1-27 zasedanij prezidiuma pravleniya MOSSH. Protokol № 21. Paragraf 2. Incident mezhdub CB i gruppoy hudozhnikov* [Minutes №№ 1-27 meetings of the Board of the Board MOSSH. Protocol number 21. Paragraph 2. The incident between the Central Buro and a group of artists]. In: *RGALI*. F. № 2943. Op. № 1. Ed. hr. № 27. S. 51-52.
11. Sokolov-Skalya P. *S palitroj po pustyne* [Across the desert with a palette]. In: *Tvorchestvo* [The Creativity], 1934, № 12. S. 8.
12. *Sovetskaya Turkmeniya* [Soviet Turkmenistan]. In: *Izvestiya CIK* [News of Central Executive Committee], 1935, № 194 (5747). S. 4.
13. *Sovetskaya Turkmeniya* [Soviet Turkmenistan]. In: *Sovetskoe iskusstvo* [The Soviet art], 1935, № 39 (265). S. 3.
14. *Stenogramma zasedanij khudozhestvennogo soveta «Vsekokhudozhnika» po obsuzhdeniyu rabot khudozhnikov* [Transcript of Vsekokhudozhnik Art Council meetings meetings to discuss artists paintings], 1935. In: *RGALI*. F. 2943. Op. 1. Ed. hr. 58. p. 3; 34.
15. Tugendhold Y. *Vystavka turkmenskogo iskusstva* [The Exhibition of Turkmen art]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1923, № 117 (1854). S. 6.
16. Tugendhold Y. *Vystavka turkmenskoy hudozhestvennoj shkoly* [The Exhibition of the Turkmen art school]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1923, № 225 (1962). S. 5.
17. *Turkmeniya v zhivopisi* [Turkmenistan in painting]. In: *Literaturnaya gazeta* [The Literary newspaper], 1935, № 48 (539). S. 6.
18. *Turkmenskaya shkola iskusstv* [The Turkmen school of art]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1923, № 112 (1849). S. 5.
19. *V gostyah u masterov* [Visiting masters]. In: *Sovetskoe iskusstvo* [The Soviet art], 1935, № 41 (267). S. 2.
20. *V gostyah u hudozhnikov* [Visiting artists]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1935, № 204 (5757). S. 4.
21. *V pomeshchenii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv...* [In the premises of the State Museum of Fine Arts ...]. In: *Pravda* [The Truth], 1935, № 231 (6477). S. 6.
22. V.CH. *Iskusstvo respublik Srednej Azii* [Art of Central Asia republics]. In: *Iskusstvo* [The Art], 1935, № 3. S. 168-176.
23. V.D. *Vystavka kartin, posvyashchennyh sovetskoj Turkmenii* [Exhibition of paintings dedicated to Soviet Turkmenistan]. In: *Socialisticheskoe zemledelie* [The Socialist Agriculture], 1935, № 170 (1979). S. 1.
24. *Vchera v pomeshchenii Muzeya izobrazitel'nyh iskusstv...* [Yesterday at the Museum of fine arts ...]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1935, № 196 (5749). S. 1.
25. *Vystavka rabot hudozhnikov Turkmenistana* [Exhibition of paintings by Turkmenistan artists]. In: *Pravda Vostoka* [The Truth of The East], 1934, № 144 (3503). S. 1.
26. *Vystavka turkmenskoy shkoly iskusstv* [The Exhibition of the Turkmen arts school]. In: *Katalog vystavki* [Exhibition Catalogue]. Moscow, 1923.
27. Yanovskaya O.D. *Puteshestvie na Vostok* [A journey to the East]. In: *Sovetskoe iskusstvo* [The Soviet art], 1935, № 20 (246). S. 4.
28. Z.T. Strana solnca. *Na vystavke kartin, posvyashchennoj Turkmenii* [Country of the sun. At the exhibition of paintings devoted to Turkmenistan]. In: *Komsomol'skaya pravda* [The Komsomol Truth], 1935, № 193 (3188). S. 4.
29. *Zametka o vystavke Udarnoj shkoly iskusstv Vostoka* [Article about the exhibition of The Strike School of the east art]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1923, № 211 (1948). S. 5.
30. *Zametka ob otkrytii vystavki Udarnoj shkoly iskusstv Vostoka* [Article about the exhibition opening of The Strike School of the east art]. In: *Izvestiya CIK* [The News of Central Executive Committee], 1923, № 105 (1842). S. 7.

G.E. Abbasova “*The Art of Soviet Turkmenia*”
at the Museum of Fine Arts in Moscow. 1935. The lost exhibition

31. Zhuravleva E.V., Chepelev V.N. *Iskusstvo sovetskoy Turkmenii* [The art of Soviet Turkmenistan]. Moscow, 1934.

REFERENCES

1. Apchinskaya N. i dr. *Kovrovaya skazka. Tvorchestvo Ruvima Mazelya i traditsionnoye kovrovoye iskusstvo turkmen. Katalog vystavki* [Carpet fairy tale. Creativity of Ruvim Mazel and traditional carpet art of Turkmens. Exhibition catalogue]. Moscow, 1995.
2. Apchinskaya N. i dr. *Ruvim Mazel'* [Ruvim Mazel] In: *Srednyaya Aziya-Moskva-Iyerusalim v tvorchestve yevreyskikh khudozhnikov* [Central Asia-Moscow-Jerusalem in the works of Jewish artists]. Moscow, 2008.
3. Apchinskaya N. *Ruvim Mazel'. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Ruvim Mazel. Essay of his life and creativity]. Moscow, 2004.